

Цеховая организация оказывала помощь семье усопшего ремесленника и в последующем. В частности, цеховые уставы предусматривали выделение в помощь челядника, если в семье оставались несовершеннолетние сыновья. Такой помощник занимал место покойного, помогал содержать вдову и детей усопшего брата до момента их совершеннолетия. Если же в семье не было детей, то за вдовой сохранялось право заниматься ремеслом своего супруга в течение полутора лет: «... чтобы вдовы, оставшиеся по мужьях своих, имели средства к существованию, если у нее будет сын, то ей надо дать из цеха челядника, который бы занимался тем ремеслом и содержал ее до тех пор, пока сын не достигнет лет своих, а она ему должна платить в соответствии с постановлением братьев цеха, а если бы сына не имела, тогда дать ей челядника до года и шести недель, то необходимо понимать в отношении вдов порядочных, которые в стане своем вдовьем почтине живут ...» [2, с. 490]. Как видно, таким правом пользовались только женщины, которые вели пристойный образ жизни. Это является свидетельством того, что цеховые организации придавали большое значение моральным качествам членам цеха.

Таким образом, цеховые уставы XVI–XVIII вв. являются ценным источником, который позволяет изучить матримониальное поведение ремесленников, рассмотреть некоторые аспекты их семейной жизни.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Историко-юридические материалы: в 32 т. / Под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. губ. правл., 1871–1906. – Вып. 6: Приходо-расходная книга г. Могилева 1689 г. Акты, извлеч. из книг Полоц. магистрата за 1676–1771 гг. – 1975. – 409 с.
2. Историко-юридические материалы: в 32 т. / Под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. губ. правл., 1871–1906. – Вып. 8: Приходо-расходные книги г. Могилева на 1691 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1591–1634 гг. – 1877. – 530 с.
3. Историко-юридические материалы: в 32 т. / Под ред. Созонова [и др.]. – Витебск: Тип. губ. правл., 1871–1906. – Вып. 12: Приходо-расходная книга г. Могилева за 1698 г. Акты, извлеч. из книг Могилев. магистрата за 1716–1725 гг. – 1881. – 530 с.

УДК 94(476)

О. В. Тихонович

ПОВЕСТЬ Я. КУРЕКА «ГРИПП СВИРЕПСТВУЕТ В НАПРАВЕ» В КАЧЕСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РАБОТЫ УЧИТЕЛЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ KRESY WSCHODNI В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ

Аннотация. Предпринята попытка раскрыть условия работы народных учителей межвоенной Польши, которые осуществляли свою профессиональную деятельность на территории Kresy wschodni, отошедшей ко II Речи Посполитой по условиям Рижского мирного догово-

ра 1921 г. Освещение данной проблемы, присутствующей в восточных воеводствах Польши в 20–30-е гг. XX в., было осуществлено с помощью анализа исторической повести польского писателя Ялю Курека «Грипп свирепствует в Направе».

Ключевые слова: Я. Курек, межвоенная Польша, Kresy wschodni, художественная интерпретация.

Источниковедческая проблема по истории пребывания территорий Kresy wschodni – Западной Белоруссии и Западной Украины – в составе Второй Польской Республики в 1921–1939 гг. имеет актуальную значимость в настоящее время. Это связано прежде всего с тем, что исследователи, знакомящиеся с разнообразными по своему содержанию и происхождению источниками, в XXI ст. используют широкие возможности применения в исторической науке междисциплинарных методов исследования. В связи с этим историография и источниковедение периода польской оккупации Западной Белоруссии значительно расширили свои границы и пополнили свою базу, что позволило более детально и объективно представить жизнь тех белорусских воеводств, жители которых в межвоенное двадцатилетие были вынуждены подвергаться политике колонизации. Отражение такой колониальной политики польских властей, направленной в 20–30-е гг. XX в. в сторону населения Белостокского, Полесского, Новогрудского и Виленского воеводств Польши, более 70 % которого составляли лица белорусской нации [6, с. 8, 236–237], заключается в широком применении исторических источников.

В среде источниковедческой базы художественная литература занимает не последнее место по своей значимости. Художественное творчество проявляется, прежде всего, в олицетворении той исторической эпохи, когда происходило написание, опубликование и обсуждение результатов труда деятелей культуры. Поэтому «Грипп свирепствует в Направе» – это не просто повесть, а пример исторического источника, который может использоваться исследователями с целью ознакомления повседневной, бытовой, социально-политической жизни в польской деревне межвоенного периода. Это подтверждается тем, что польский писатель-реалист Ялю Курек, во-первых, являлся свидетелем тех событий, которые нашли свое отражение на страницах его литературного творчества, во-вторых, он активно вклинился в общественный дискурс 20–30-х гг. по обсуждению социально-экономических проблем, которые выражались в процессе становления новых государственно-политических образований в Восточно-Центральном европейском регионе.

Ялю Курек (1904–1983) родился в древнейшей столице польских земель – Кракове, принадлежавшей в начале XX ст. Австро-Венгерской империи. Свою молодость будущий писатель и журналист посвятил изучению филологии. И с образованием в 1918 г. II Речи Посполитой Я. Курек не просто стал гражданином нового независимого государства, но и влился в первой половине 20-х гг. в польскую футуристическую группу «Краковский Авангард», лидером которой являлся блестящий литературный критик и теоретик Тадеуш

Пайпер [2, с. 364, 371], что позволило начинающему писателю в начале 30-х гг. издавать свой собственный журнал «Линия», в котором предпринимались попытки представить доказательства преимуществ авангардизма перед изжившими себя классическими догмами поэзии. В 1933 г. журнал был вынужден прекратить свое существование из-за непопулярности у читателей [8, с. 65, 75].

В первой половине 30-х гг. Ялю Курек стал знаменитым не только у себя в стране, но и за ее пределами. Это происходит благодаря выходу в 1934 г. художественно-исторического произведения «Грипп свирепствует в Направе». Тридцатилетний писатель был удостоен награды Польской академии литературы и его повесть за первые два года с момента своего выхода выдержала два издания [4, с. 5]. Издательство этой исторической повести в СССР состоялось уже в 1935 г. Книга составила тираж 10 300 экземпляров, что являлось показателем ее значимости. Перевод исторической повести осуществил советский литературовед И. И. Беккер. Скорое знакомство советских литературоведов, переводчиков, ученых и обычных граждан с творчеством польских писателей и поэтов объяснялось той установкой Советского Союза, которая была направлена в 20–30-е гг. на привлечение иностранных произведений реалистического содержания с целью сравнения бытовой, культурной и политической обстановки, протекающей в деревенской и городской жизни за пределами страны Советов [3, с. 304–305; 7, с. 138–139].

Произведение Я. Курика имело мгновенную популярность не только в среде профессиональных польских и советских писателей и литераторов, т. к. выход данной книги спровоцировал «рождение» богатой публицистической литературы как в Польской Республике, так и в Советском Союзе, но и анализ данной исторической повести был сразу же подхвачен советскими историками и экономистами, которые активно цитировали художественно-исторический труд польского писателя. Так, советский исследователь и доктор экономических наук И. И. Гольдштейн в своей небольшой по объему работе «Как польские паны угнетали крестьян», вышедшей в 1939 г., познакомил советских граждан с рабской жизнью белорусских и украинских крестьян, которые подвергались экономической колонизации и национальному гнету со стороны польских панов в межвоенный период. Такое исследование Гольдштейна было основано не только на статистических материалах, но и при помощи цитирования повести Я. Курика [1, с. 42–44]. «Грипп» также выступил в качестве источника у советского исследователя Л. М. Ламова, который занимался военной тематикой. В 1937 г. им была опубликована соответствующая брошюра «Польша и ее армия», в которой повесть Я. Курика послужила также историческим источником по реконструкции для советского читателя «скотского» образа жизни голодающих белорусов, украинцев и русских [5, с. 54]. Поэтому советские исследователи в своих работах использовали повесть Я. Курика для выявления признаков «загнивания и деградации» польских деревень II Речи Посполитой.

Я. Курек представил перед своими читателями обыденную жизнь двух польских деревень межвоенного периода – Направы и Иорданов, трехтысячное население которых было вынуждено терпеть нищету, голод и смерть. Польский писатель раскрыл перед читателями трагическую жизнь одного из главных героев исторической повести – народной учительницы Ганки Нагорской, которая на заре своих сил в Кракове получила достойное, как ей тогда казалось, образование: с успехом закончила учительскую семинарию. Но для нее в Кракове, в древнейшей столице польской нации, как для молодого специалиста, в начале 30-х гг. не нашлось рабочего места, т. к. царил полная безработица. Это объяснялось тем, что во II Речи Посполитой сказывались последствия мирового экономического кризиса – так называемая Великая депрессия, охватившая в 1929–1933 гг. страны капиталистического мира. Я. Курек на страницах своей повести подчеркивал все кризисные последствия Великой депрессии, которая дошла даже до глухих восточных польских деревень. Так, сами крестьяне во время уборки урожая часто обсуждали городские новости об экономическом крахе и банкротстве Америки. Эти известия доходили до них в атмосфере сплетен, которые являлись для них «достоверными источниками». Но кризис в Северной Америке дошел и до поселков Второй Польской Республики, потому что банковская политика, по наблюдениям самих крестьян Направы и Иорданова, привела к тому, что банки теперь не выдают «никаких ссуд ни на хозяйство, ни на строительство», а также польские деньги в массе своей только «обесцениваются». Поэтому экономическая депрессия в межвоенной Польше привела к тому, что одни деревенские жители «молятся, другие воруют, обманывают, делают всякие пакости ...», а выпускникам учительских семинарий оставалось только «увеличить общую нищету» [4, с. 111, 196–196, 223, 59].

Именно по причине экономического упадка юная Ганка вынуждена была перебраться в сельскую местность, где для нее и нашлась подходящая вакансия: «после шестимесечных хлопот получила, наконец, штатную должность учительницы в народной школе в Направе». Для нее вакансия освободилась благодаря тому, что бывшая учительница была неподконтрольной местным властям в лице «ксендза», потому что позволяла себе критиковать политику центрального правительства [4, с. 30, 32].

Я. Курек в повести показал, что профессия учителя в межвоенной Польше, особенно в сельской местности, являлась востребованной, т. к. в стране было «мало школ и просвещение не повсюду еще проникло. Особенно много деревень, которые не знают истинного просвещения, и поэтому ... необходимо как можно больше работников на ниве народного просвещения» [4, с. 83]. Но востребованность профессии народного учителя во Второй Польской Республике материально не поддерживалась высшими органами страны, т. к. заработная плата учителя, а также условия его работы и проживания были на самом низком уровне. Однако Г. Нагорская очень ответственно относилась к своим обязанно-

стям. Поэтому, помимо преподавания, она своими руками привела в порядок две классные комнаты, в которых предстояло проходить обучение ее ученикам: стены классов были побелены и приобрели долгожданные обои [4, с. 50].

Однако приезд молодого учителя не привел к тому, что все деревенские жители Направы стремились отправить своих детей в школу. Например, за первые 14 дней сентябрьского месяца дети пришли на занятия всего 4 раза и не в полном составе. Это объяснялось тем, что старшие дети в крестьянских семьях были по поручению своих родителей заняты на сельскохозяйственных работах. Например, крестьянин Янек полностью запретил своей десятилетней дочке посещать школьные занятия, т. к. для него было важно, чтобы его дочь попросту не тратила свое время на школу и уроки, а пасла скот, потому что присмотр за скотиной являлось условием выживания этой крестьянской семьи. Младшие дети в крестьянских семьях не могли также себе позволить такую «щедрость» по получению начального образования из-за отсутствия у них книг, бумаги и карандашей. Крестьянин Томек из Чубина даже задал вопрос: зачем детям крестьян ходить в школу, если для посещения таких заведений существуют городские дети? И крестьянин Томек в конце своего размышления радостно вспоминал те далекие времена, когда дети в деревне не учились и всем было от этого только «лучше, чем теперь» [4, с. 33, 49].

Я. Курек также подчеркивал, что посещение детьми школ во многом зависело от капризов самой природы, потому что в теплую погоду ребятишки могли ходить в школу хоть «в одной рубашке» на теле и в лаптях на ногах, а в холодное, дождливое и зимнее время многие учащиеся не имели ни сапог, ни ботинок, ни теплой верхней одежды, которая способна была спасти их маленькое тело от морозов и снега, поэтому с ухудшением в Направе погодных условий количество детей в школе резко сокращалось [4, с. 231].

Г. Нагорская, увидев в первые месяцы учебного года исхудалые и больные тела детей, не могла не действовать, чтобы попытаться оказать помощь ее голодающим ученикам. В связи с этим она, пользуясь своим социальным статусом народного учителя, направила представителям властей Кракова два официальных письма с призывом разобраться в ситуации деревенского голода и нищеты, но действия властей последовали не сразу, т. к. одно «компетентное лицо» застряло на автомобиле по дороге в Направу из-за осенней непролазной грязи, так и не доехав до деревни, а через неделю и другие краковские чиновники попытались добраться по деревенским дорогам, но уже не на автомашине, а при помощи лошадей на легком четырехколесном экипаже. Однако польским чиновникам удалось только доехать до школы, как их пролётка тут же застряла в глубокой яме. И все попытки местных властей оказать помощь голодающим маленьким жителям Направы были безрезультативными из-за отсутствия инфраструктуры [4, с. 113–114].

Я. Курек в своем историческом произведении также коротко, но ярко демонстрировал школьную программу межвоенной Польши, по которой ученики должны были учить польский язык, литературу, географию и историю. Так, Г. Нагорская прививала своим голодным ребятишкам в холодных классах любовь и гордость к своей стране: маленькие, грязные и замызганные жители II Речи Посполитой, помимо грамоты, должны были в строгом порядке знать столицу своей страны, запомнить на всю жизнь, кто такой маршал Юзеф Пилсудский и в чем его заслуга перед всем польским народом. Полуголодные дети должны были уметь рассказать и показать на карте, где располагается важный польский город-порт Гдыня. И юные «дарования» в католической стране «зубрили» Закон Божий, преподавание которого происходило 2 раза в неделю, когда в Направу из Иорданова приезжал католический ксендз-викарий, раздававший способным учениками деликатесы – конфеты [4, с. 50, 235–236, 246, 290].

Таким образом, историческая повесть Ялю Курика может рассматриваться и применяться исследователям в качестве исторического источника не только с целью анализа положения польских деревень *Kresy wschodni*, как это успешно демонстрировали в своих работах советские исследователи, но и по изучению профессиональной, бытовой, а также повседневной жизни школьных учителей, которые в нелегких социально-экономических и политических условиях выполняли свой профессиональный долг по просвещению учащихся. Без исторического произведения Я. Курика тяжело представить жизнь и обстановку социальных слоев восточноевропейского капиталистического мира в 20–30-е гг. XX в., к которому относились и поселки Западной Белоруссии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гольдштейн, И. И. Как польские паны угнетали крестьян / И. И. Гольдштейн. – Москва: Гослитиздат, 1939. – 64 с.
2. История литератур западных и южных славян. Т. III. Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е годы–1945 год). – Москва: Индрик, 2001. – 992 с.
3. Краткая история Польши. – Москва : Наука, 1993. – 528 с.
4. Курек, Я. Грипп свирепствует в Направе: пер. с пол. / Я. Курек. – Ленинград : Худ. лит., 1935. – 358 с.
5. Ламов, Л. М. Польша и ее армия / Л. М. Ламов. – Москва: Гос. воен. изд., 1937. – 134 с.
6. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.: в 2 кн. / НАН Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А. А. Коваления [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2014. – Кн. 1. – 593 с.
7. Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи в XX веке. – Москва : Наука, 1989. – 208 с.
8. Хорев, В. А. Польская литература XX века 1890–1990 / В. А. Хорев. – Москва: Индрик, – 2009. – 352 с.